ИЗДАТЕЛЬСТВО ГРАМОТА

Филологические науки. Вопросы теории и практики
Philology. Theory & Practice

ISSN 2782-4543 (online)
ISSN 1997-2911 (print)

2024. Том 17. Выпуск 11 | 2024. Volume 17. Issue 11
Материалы журнала доступны на сайте (articles and issues available at): philology-journal.ru

RU

Переписка С. А. Толстой и Т. А. Кузминской: биографический аспект изучения

Городилова Н. И.

Аннотация. Цель исследования – раскрытие сюжетно-тематического и стилистического своеобразия неизданной переписки С. А. Толстой с Т. А. Кузминской (1870-е гг.). В статье эпистолярий рассматривается в качестве важнейшего документа, помогающего воссоздать не только биографический, но и социально-исторический, культурный контекст жизни и творчества Л. Н. Толстого. Научная новизна работы заключается, во-первых, в том, что письма рассматриваются не в качестве дополнительного материала к личным свидетельствам писателя, а как самостоятельный эпистолярный источник, в котором отразилась жизнь определенного социального круга; во-вторых, в том, что переписка изучается как целостный феномен: письма осмысляются не в одностороннем порядке, изолированно друг от друга, а в контексте диалога, живой беседы и с учетом анализа взаимоотношений корреспондентов. В результате исследования был выявлен тематический диапазон переписки, сосредоточенный на семейно-бытовых интересах; проанализирован эпистолярный стиль обоих корреспондентов и доказано, что и отбор событий, и манера их изложения раскрывают натуры яркие и неординарные; были сопоставлены письмо-исповедь, письмо-дневник Софьи Андреевны Толстой и сюжетное письмо с цепью занимательных рассказов Татьяны Андреевны Кузминской.

EN

The correspondence between S. A. Tolstaya and T. A. Kuzminskaya: A biographical aspect of study

N. I. Gorodilova

Abstract. The research aims to reveal the plot-thematic and stylistic peculiarities of the unpublished correspondence between S. A. Tolstaya and T. A. Kuzminskaya (the 1870s). The article considers the epistolary as a key document that helps to recreate not only the biographical, but also the socio-historical, cultural context of the life and work of Leo Tolstoy. The scientific novelty of the research lies, firstly, in the fact that the letters are considered not as additional material to the writer's personal testimonies, but as an independent epistolary source that reflects the life of a certain social circle; secondly, in the fact that the correspondence is studied as a holistic phenomenon: letters are interpreted not unilaterally, isolated from each other, but in the context of dialogue, live conversation, and taking into account the analysis of the relationships between the correspondents. As a result of the research, the thematic range of the correspondence was revealed, focused on family and household interests. The epistolary style of the correspondents was analyzed and it was proven that both the selection of events and the manner of their presentation reveal bright and extraordinary characters. The confession letter, the diary letter of Sophia Tolstaya and the plot letter with a chain of entertaining stories by Tatyana Kuzminskaya were compared.

Введение

Актуальность данного исследования определяется повышенным интересом исследователей по истории русской литературы к личным документам лиц, входящих в близкий семейный круг Л. Н. Толстого. Изучение этих материалов даст возможность воссоздать биографический, семейно-бытовой, социально-исторический контекст жизни и творчества писателя.

Введение в широкий оборот новых документов имеет особенно высокую ценность, поскольку в настоящее время в ИМЛИ РАН осуществляется издание академического Полного собрания сочинений Толстого в 100 томах, которое учитывает опыт предшественников и одновременно является следующим важным звеном в многолетней истории публикаций толстовского наследия. Жизненный и творческий путь писателя подробно изучен и осмыслен прежде всего через его личные свидетельства (письма, дневники и записные книжки), при этом взгляд «со стороны», тем более взгляд такого близкого человека, как жена, имеющего

Научная статья (original research article) | https://doi.org/10.30853/phil20240565

© 2024 Авторы. © 2024 ООО Издательство «Грамота» (© 2024 The Authors. © 2024 Gramota Publishing, LLC). Открытый доступ предоставляется на условиях лицензии CC BY 4.0 (open access article under the CC BY 4.0 license): https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

возможность каждодневного общения с автором и наблюдающего во всех подробностях не только его внешнюю, но и внутреннюю жизнь, может открыть новые перспективы в восприятии личности Толстого.

Большую ценность представляет переписка Софьи Андреевны Толстой с Татьяной Андреевной Кузминской, являющаяся богатейшим источником сведений о жизни двух больших семей – Толстых и Кузминских. Здесь запечатлены самые разнообразные факты (семейные события, многочисленные посетители, круг чтения, любимые домашние развлечения и многое другое), которые передают неповторимую атмосферу яснополянского быта и воссоздают облик известного писателя, что называется, «домашним» образом, сквозь призму восприятия близких людей. На важность этого источника как «чрезвычайно подробное описание всех событий женатого времени» указал сам Толстой (1956, с. 44) в письме к П. И. Бирюкову, занимающемуся составлением его биографии. Письма Толстой и Кузминской до сих пор не опубликованы: сведения из них в виде отдельных цитат, пересказа тех или иных фактов используются специалистами в качестве уточнения/подтверждения фактов из других источников, установления датировок творческих замыслов, обоснования обращения писателя к тем или иным сюжетам и т. д. Думается, что такой избирательный подход к документу, при котором учитываются отдельные, часто вырванные из контекста, сведения, не всегда обоснован, поскольку ставит определенные ограничительные пределы в его восприятии и тем самым невольно обедняет кругозор исследователя. Не вполне оправдано и изучение писем изолированно друг от друга. Стороннее свидетельство имеет ценность только в качестве полноценно звучащего голоса: если речь идет об эпистолярном источнике, то перспективное его осмысление связано с целостностью восприятия. Необходимо помнить «о научной неоправданности, искусственности изоляции писем корреспондента и адресата» (Доманова, 1999, с. 13): письма Софьи Андреевны – это часть эпистолярного общения, и их осмысление невозможно вне контекста всей совокупности переписки. Поэтому безусловно правы специалисты, утверждающие, что «содержание и информационный потенциал письма напрямую зависят от отношений автора и адресата, так как письмо – это прежде всего акт общения, оно всегда рассчитано на конкретного адресата» (Кобак, 2012, с. 145). Во многом именно адресат, характер отношений с ним определяют отбор событий, стиль высказываний, общую манеру общения. Собеседницей Софьи Андреевны стала ее младшая сестра, с которой они были очень близки и, соответственно, откровенны. Тут не было внутренней цензуры, условности, тут эмоции высказывались в непосредственной силе их переживания. «Письма – один из немногих источников, сохранивших живые разговорные интонации, язык, присущий данному времени и данной среде» (Кучина, 1984, с. 46). Нельзя забывать и о жанровых особенностях эпистолярия. В отличие от воспоминаний, имеющих, как правило, временную дистанцию, и иногда довольно протяженную, от событий, а потому нередко страдающих недостоверностью приводимых сведений, ошибками памяти и желанием представить прошлое в более преображенном, «идеализированном» виде, стремлением «оправдаться» перед потомками, письма синхронны событиям, отражают мысли и чувства настоящего момента, а потому более достоверны.

Для достижения вышеуказанной цели необходимо решить следующие задачи:

– проанализировать письма С. А. Толстой и Т. А. Кузминской с точки зрения тематического их наполнения, выявить принципы отбора событий и их обусловленность социальным статусом корреспонденток;

– осмыслить целевую установку написания письма (письмо как средство информации, как форма дружеского диалога, как исповедь);

– проследить закономерную связь личности и ее эпистолярного стиля, «влияние адресата на характер письма» (Елагина, 1980, с. 27).

Материалом для исследования послужили неизданные письма С. А. Толстой и Т. А. Кузминской за 1870-е гг., хранящиеся в Отделе рукописей Государственного музея Л. Н. Толстого в Москве (ОР ГМТ, ф. 25 – письма С. А. Толстой и ОР ГМТ, ф. 47 – письма Т. А. Кузминской). Среди причин, по которым переписка сестер до сих пор не введена в широкий научный оборот, можно назвать следующие. Подготовка к изданию этого эпистолярного памятника, безусловно, будет сопряжена с определенными трудностями, касающимися, во-первых, прочтения рукописных источников (если почерк Софьи Андреевны вполне удобочитаемый, то в письмах Татьяны Андреевны попадаются трудные для понимания места), во-вторых, датирования писем, часть из которых не имеет года или числа и месяца. Соответственно, предстоит значительный объем работы, подразумевающий в том числе и углубленное изучение личных фондов корреспондентов. Кажущаяся тематическая односторонность писем сестер, преобладание в них семейно-бытовых разговоров могут привести к ошибочному выводу относительно исторической ценности этого источника. Такой вывод может быть сделан только при поверхностном его изучении. В письмах Софьи Андреевны, с одной стороны, ярко запечатлена «особая бытовая и интеллектуально-творческая атмосфера» семьи Толстых (Розанова, 1986, с. 7), помогающая осмыслить то жизненное пространство, в котором долгие годы пребывал писатель; с другой – в них раскрывается неординарная личность жены знаменитого человека, ее мысли и чувства, ее взгляды на жизнь, интересные и сами по себе, и в свете возможных аналогий с толстовскими высказываниями.

К анализу привлекались также письма, дневники Толстого разных лет и воспоминания близких его родственников:

- Кузминская Т. А. Моя жизнь дома и в Ясной Поляне. Тула: Приокское книжное издательство, 1973.
- Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. / под общ. ред. В. Г. Черткова. М.: Художественная литература, 1952. Т. 48. Дневники и записные книжки 1858-1880 гг.
- Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. / под общ. ред. В. Г. Черткова. М.: Художественная литература, 1953a. Т. 61. Письма 1863-1872 гг.
- Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. / под общ. ред. В. Г. Черткова. М.: Художественная литература, 1953b. Т. 62. Письма 1873-1879 гг.

- Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. / под общ. ред. В. Г. Черткова. М.: Художественная литература, 1956. Т. 76. Письма 1905 (июль – декабрь) – 1906.
- Толстой И. Л. Мои воспоминания. М.: Правда, 1987.

Теоретическую базу исследования составляют работы как известных биографов Толстого, обращающихся к архивным материалам для реконструкции творческой эволюции писателя (Бирюков, 2000; Гусев, 1963), так и работы историков, изучающих переписку в качестве социокультурного феномена как целостного корпуса исторических источников (Доманова, 1999), теоретиков и историков литературы, осмысляющих эпистолярий с точки зрения его жанрово-композиционных, стилевых особенностей (Андреева, 2001; Елагина, 1980; Кучина, 1984).

Автор статьи применяет несколько методов исследования: биографический метод, с помощью которого письма анализируются с точки зрения отражения в них личности корреспондентов; компаративный метод, позволивший выявить общие и различные черты в письмах корреспондентов; метод контекстного анализа, давший возможность установить, какие факторы обуславливали тематику и стиль писем; метод внешней критики, благодаря которому установлены автор, адресат, место отправления и назначения, время отправления и получения, способ отправления.

Практическая значимость исследования состоит в том, что введенное в научный оборот эпистолярное наследие С. А. Толстой (в частности, ее многолетняя переписка с Т. А. Кузминской) может стать материалом для реального и историко-литературного комментария в любом собрании сочинений писателя как научного, так и научно-популярного жанра, а также может быть использовано при изучении жизни и творчества Толстого в вузовских программах по истории и теории русской литературы.

Обсуждение и результаты

Необходимо несколько предварительных замечаний. Поскольку статья имеет свои ограничения по объему и поскольку она является лишь началом серьезного изучения эпистолярия С. А. Толстой с сестрой, автор ориентируется на уровень первичного прочтения текстов, что подразумевает, во-первых, анализ их «конкретной фактологической основы» (Андреева, 2001, с. 238), а во-вторых, выявление взаимосвязи личности корреспондента и его эпистолярного стиля. Тематика писем имеет свои особенности: сестры – прежде всего матери и хозяйки, на плечи которых легли многочисленные хлопоты по ведению дома, воспитанию детей и др., это во многом определило содержание их бесед. При этом письма – отбором событий, манерой изложения – раскрывают неординарные натуры двух очень разных женщин, каждая из которых обладала яркой индивидуальностью. Опора на письма 1870-х гг. связана с тем, что в этот период сестры довольно активно общались, поскольку в августе 1871 г. Т. А. Кузминская вслед за мужем переехала жить на Кавказ.

Письма С. А. Толстой к Т. А. Кузминской

Софья Андреевна была наделена невероятной жизненной энергией. Неслучайно Татьяна Андреевна в письме от 18 июля <1875 г.> отмечала, что сестра вмещает в себя пять женщин – родильницу, кормилицу, надзирательницу, учительницу и хозяйку (ОГ ГМТ, ф. 47, ед. хр. 6973, л. 1). Она была необыкновенно трудолюбива и практична: Татьяна Андреевна неоднократно обращалась к ней за советом и помощью. Ее жизнь многие годы была ограничена пределами Ясной Поляны: недолгие поездки в Тулу, Москву, Петербург, в гости к ближайшим друзьям воспринимались как значительные события в кругу обычного ритма жизни. Софья Андреевна вела довольно уединенную жизнь, главный круг интересов которой был сосредоточен на семье. Жизнь в усадьбе естественно подчинялась природному циклу: каждый сезон был связан со своим кругом действий, событий и даже эмоций. Осенняя хандра, наступавшая и из-за наводящей тоску погоды, и из-за болезней домашних, сменялась зимней одинокой, тихой жизнью, наполненной разнообразным трудом (ОР ГМТ, ф. 25, ед. хр. 3166, л. 2 об.); весна дарила радость общения с природой, когда постепенно сходил снег, появлялись первые цветы и солнце начинало греть по-летнему. А лето, как правило, ассоциировалось с отдыхом, приездом гостей, прежде всего любимой сестры. 12 декабря 1875 г. Софья Андреевна писала: «Господи, когда-то лето придёт и ты приедешь, мой голубчик милый; я об этом думаю и мечтаю все с бóльшим и бóльшим волнением» (ОР ГМТ, ф. 25, ед. хр. 3194, л. 2 об.).

Как хозяйка дома, его главный центр, от которого зависело благополучие семьи, Софья Андреевна много сил отдавала домашним хлопотам: поиск нянь, гувернанток, учителей, кройка и шитье гардероба, расходы по дому, встреча и размещение гостей – все это составляло обычный круг ее повседневных дел. Самой сердечной ее заботой на протяжении многих лет были дети: их болезни, дурные и добрые наклонности, но главное – воспитание и обучение. Чему и как учить детей, каких успехов они достигли, не отстают ли от сверстников, – эти и подобные им вопросы неоднократно встают перед Толстой. Неслучайно в ее письмах часто встречаются такого рода признания: «Дни целые я провожу, уча детей. Если б я это не делала, что бы было с их воспитанием. Вся ответственность, вся тяжесть всех обязанностей лежит на моих только плечах, и я иногда чувствую себя раздавленной» (Письмо от 14 января 1873 г. // ОР ГМТ, ф. 25, ед. хр. 3158, л. 3 об. – 4). Рассказывая о том, как проходят занятия, что за предметы изучаются, какие достигаются успехи, Софья Андреевна дает краткие, колоритные характеристики детям: маленький Лев, или Леля, как обычно его звали в семье, учится «довольно старательно, но способности у него далеко не блестящие» (Письмо от <14 октября 1875 г.> (здесь и далее датировка установлена сотрудниками ОР ГМТ) // ОР ГМТ, ф. 25, ед. хр. 3192, л. 3), а «ленивец Илья… все продолжает наслаждаться жизнью и не любит труд» (Письмо от <апреля 1875 г.> // ОР ГМТ, ф. 25, ед. хр. 3186, л. 1 об.).

Помимо уроков с родителями, у детей Толстых были учителя, гувернеры и гувернантки. Их выбор был сопряжен со многими трудностями: найти хорошего помощника для воспитания было трудно, тем более что Толстые выдвигали определенные требования к тому, какой человек должен быть рядом с их детьми. Так, в письме к А. А. Толстой писатель обозначил, что главное в выборе людей – не объем знаний, а «хорошая нравственность, сколь возможно, высокое душевное настроение, без педантизма и фарисейства» (Толстой, 1953b, с. 101). Ни одно письмо Софьи Андреевны не обходится без упоминаний о помощниках – они были важной частью большой семьи. Приезд в дом нового учителя для мальчика или гувернантки для девочки всегда был сопряжен с большим волнением, поскольку трудно было предсказать, как они будут ладить с детьми, окажутся ли достаточно ответственными людьми и, соответственно, хорошими помощниками. Не без горечи пишет Софья Андреевна о старшей дочери Тане, что она «испортилась ужасно, груба, манеры дурные», потому что гувернантка Дора (Dora Hellyer) не смогла стать авторитетом для детей, которые ее «бранят, смеются над ней, лазают на нее верхом» (Письмо от 4 февраля 1873 г. // ОР ГМТ, ф. 25, ед. хр. 3159, л. 2). Напротив, m-me Raoux «очень порядочная, дети совсем заговорили по-французски, и она очень умеет с ними обращаться» (Письмо от 30 января <1875 г.> // ОР ГМТ, ф. 25, ед. хр. 3182, л. 1 об.).

Каждодневные занятия разнообразили праздники и сезонные развлечения. Зимой все семейство страстно отдавалось своему любимому увлечению – катанию на коньках или с гор, когда «все валялись в снегу» и было много смеха (Письмо от 2 января 1872 г. // ОР ГМТ, ф. 25, ед. хр. 3144, л. 2 об.). На Новый год и Рождество обычно наряжалась елка, одевались скелетцы, золотились орехи, приезжали гости с подарками, устраивался маскарад, часто «танцевали и кадриль, и настоящую польку в костюмах; потом приходили бабы и дворовые ряженые» (Письмо от 4 января <1877 г.> // ОР ГМТ, ф. 25, ед. хр. 3209, л. 2). Зима сменялась весенними праздниками и забавами – катанием яиц, заутреней, наблюдениями за просыпающейся природой. В письме от 29 марта 1875 г. Софья Андреевна рассказывает: «Дети наши все здоровы; очень заняты деланьем деревянных корабликов с разноцветными флагами – которые они пускают по лужам. А по вечерам они пишут статьи в прозе и стихах, и шарады и rébus для журнала, который они сами издают каждое воскресенье. По вечерам это читается вслух раз в неделю, в воскресенье, и выходит очень смешно, тем более что все пишется по-французски» (ОР ГМТ, ф. 25, ед. хр. 3184, л. 2). Нечто подобное будет в семье Толстых и позднее, в 1880-х гг., когда появится так называемый «Почтовый ящик», в который собирали разнообразные шуточные произведения всех членов семей Толстых и Кузминских, зачитываемые по воскресеньям за вечерним чаем (Бирюков, 2000, с. 498). Сообщаемые Софьей Андреевной сведения интересны и сами по себе, как типичные приметы определенного социального быта – дворянской усадебной культуры второй половины XIX в., но прежде всего тем, что одним из участников семейных событий был Толстой, которого рассказы жены позволяют увидеть вне обычной ему сферы умственных занятий. Лёвочка (так обычно зовет мужа в своих письмах Софья Андреевна) то играл с дядей Костей «трепак в 4 руки очень лихо» (Письмо от 1 октября 1871 г. // ОР ГМТ, ф. 25, ед. хр. 3138, л. 2), то «плясал козой» на домашнем маскараде зимой 1872 г. (Письмо от 2 января 1872 г. // ОР ГМТ, ф. 25, ед. хр. 3144, л. 3 об.), то возил семью «в шарабане на тройке вороных кататься» (Письмо от 1 октября <1872 г.> // ОР ГМТ, ф. 25, ед. хр. 3152, л. 2), то «охотился в Никольском за волками, одного, прибылого, затравил» (Письмо от 29 сентября 1874 г. // ОР ГМТ, ф. 25, ед. хр. 3176, л. 1 об.), то, отдыхая летом в самарских степях и отпиваясь кумысом, загорал до черноты и «пропасть» ходил (Письмо от 20 июля 1875 г. // ОР ГМТ, ф. 25, ед. хр. 3189, л. 1 об.).

Повседневные факты яснополянского быта сменялись рассказами о различных новостях из жизни близких и друзей, сообщениями о приезде в Ясную Поляну разнообразных гостей. Постепенно состарились и умерли тетушки Толстого – Татьяна Александровна Ергольская и Пелагея Ильинична Юшкова, часто бывали в Ясной Поляне близкие родственники и друзья: вечно неустроенный дядя Софьи Андреевны Константин Александрович Ислави́н, сестра Толстого Мария Николаевна (Машенька, как звали ее в семье), ее дочери Елизавета и Варвара Валерьяновны, друг семьи Дмитрий Алексеевич Дьяков с дочерью Машей и ее гувернанткой Софьей Робертовной Войткевич (Софеш), братья Софьи Андреевны – Александр и Степан. Эти имена постоянно упоминаются в письмах сестер. Среди гостей – А. А. Фет, И. Н. Крамской, Н. Н. Страхов, П. Д. Голохвастов. За каждым именем рисовался свой сюжет взаимоотношений с семейством Толстых. Так, 14 ноября 1872 г. Софья Андреевна отмечает, что со Страховым «было приятно, он так умен и образован» (ОР ГМТ, ф. 25, ед. хр. 3156, л. 2 об.). А вот Голохвастовы считались «тяжелыми» гостями. Софья Андреевна писала сестре 4 января <1877 г.>: «Наконец, присутствие Голохвастовых сделалось всем тяжело, и, когда они нам намекнули на отъезд, мы их и не удерживали, что вышло немного неловко и не гостеприимно. Она все такая же кокетка во всех своих рассчитанных движениях, позах, туалетах и проч. Когда они уехали, воздух стал легкий, мы делали, что хотели, катаемся всякий день по три часа на коньках, натянутости никакой нет» (ОР ГМТ, ф. 25, ед. хр. 3209, л. 2 – 2 об.).

При всей своей энергичности и деятельности Софья Андреевна была человеком нервным и страстным, переменчивым в настроениях, склонным к грусти. Она сама знала за собой эту черту и признавалась сестре, что «и в веселье и счастье умеет найти грустное» (Гусев, 1963, с. 506), что «беда иметь такой тревожный характер» (Письмо от 12 сентября 1876 г. // ОР ГМТ, ф. 25, ед. хр. 3201, л. 2). Отмечала это свойство характера сестры и Татьяна Андреевна: «Она как будто не доверяла счастью, не умела его взять и всецело пользоваться им» (Кузминская, 1973, с. 52). Письма Софьи Андреевны представляют собой не только хронику происходящих в Ясной Поляне событий, но и своего рода лирическую исповедь, письма-настроения, нечто вроде дневника, и раскрывают внутренний мир личности сложной и противоречивой. Софья Андреевна признавалась сестре, что, садясь писать ей, она словно уходит в свой мир, ей одной «особенно приятный и дорогой» (Письмо от 30 августа 1871 г. // ОР ГМТ, ф. 25, ед. хр. 3135, л. 1). Скрытая от посторонних глаз душевная жизнь становится важной темой эпистолярной беседы: и Татьяна Андреевна по письмам сестры чутко улавливала, в каком «духе» она

находилась; и Софья Андреевна «всегда с нетерпением и волнением» доискивалась до «внутренней жизни» сестры, пыталась понять, что она чувствует и о чем думает (Письмо от 25 октября 1871 г. // ОР ГМТ, ф. 25, ед. хр. 3140, л. 1).

Любящая и заботливая жена и мать, безмерно преданная семье, Софья Андреевна тем не менее часто испытывала чувство неудовлетворенности от жизни, на нее нападали приступы «благочестивой тоски» – так между собой сестры называли это настроение, – тоски, возникающей от правильной, наполненной серьезным трудом, размеренной и замкнутой жизни. Неслучайно она часто извиняется перед сестрой, что пишет неинтересно, признается, что ей «противны» собственные письма (Письмо от 10 марта <1872 г.> // ОР ГМТ, ф. 25, ед. хр. 3149, л. 1). Она предупреждает сестру 12, 16 октября <1874 г.> «Ты не удивляйся, милая Таня, если я редко буду писать тебе. Право, до того все одно и то же, что совестно годами в письмах повторять одно и то же: учимся, гуляем, едим, шьем, спим. Что разнообразит нашу жизнь? Разве только посмотришь в окно: сегодня снег, завтра дождь, а там солнце – вот и все» (ОР ГМТ, ф. 25, ед. хр. 3168, л. 1 об.).

Этот «благочестивый» образ жизни с любовной насмешкой охарактеризовала Татьяна Андреевна в письме от 22 августа <1875 г.>: «Я помню, Соня, раз, в августе, прихожу поздно утром из того дома к вам и с лестницы слышу, как ты громко сморкаешься, и потом вижу тебя с гладко причесанными двумя своими косами назади, как на 14-ем портрете, трое детей у стола, и, о ужас! учатся; благонравие, благочестие в прическе, в детях, в учении, даже в насморке, я чувствую грусть, досаду, лето прошло, а ты добродушным голосом: “Таня, подожди, мы сейчас кончили”. Я буду старухой и не забуду конец августа в Ясной, впрочем, как и все, что в Ясной» (ОР ГМТ, ф. 47, ед. хр. 6974, л. 4 об.). И с 1875 г. образ «благочестивой тоски» станет устойчивым в переписке сестер. Так, Татьяна Андреевна назвала свое письмо от 3 октября <1878 г.> «Благочестивая тоска!» и начала его признанием, что у нее нет свободного времени, которое все отдано под занятия с детьми (ОР ГМТ, ф. 47, ед. хр. 7041, л. 1).

Сказывалось на настроении Софьи Андреевны и зависимость образа жизни от погодных условий. Она не любила осени – «ненавистной», скучной, одинокой (такие определения нередки в ее письмах) – это было «переходное время от лета к учению, затворнической жизни, желтых листьев, грязных дорог и тому подобное» (Письмо от 3 сентября 1877 г. // ОР ГМТ, ф. 25, ед. хр. 3220, л. 1), время расставания с любимой сестрой, время болезней. Она пишет сестре 10 октября 1871 г.: «А у нас что за грязь, гадость, мрачность, однообразие и скука в природе» (ОР ГМТ, ф. 25, ед. хр. 3139, л. 1 об.); 7 ноября <1879 г.>: «Теперь все растаяло, грязь, темнота и ненавистная мне осенняя мерзость без снега и без солнца» (ОР ГМТ, ф. 25, ед. хр. 3246, л. 2). Влияли, конечно, помимо этого, и колоссальная физическая усталость, которая с годами только увеличивалась и отражалась на здоровье, и давившее чувство ответственности за воспитание детей, в котором она ощущала свое нравственное одиночество. Неслучайно ее признание Кузминской 14 января 1873 г.: «…какие дети будут – не знаю, но они все напитаны будут мною и только мною» (ОР ГМТ, ф. 25, ед. хр. 3158, л. 4). Но была и более глубокая причина в этом чувстве неудовлетворенности жизнью. Воспитанная в городских условиях, Софья Андреевна погрузилась в тот уклад жизни, в котором привык жить ее муж. Она, конечно, искренне разделяла склонность Толстого к серьезной, трудовой жизни, понимала, что писателю для работы нужно уединение, и с глубоким уважением относилась к «золотым» занятиям мужа, как сестры называли между собой создание художественных произведений. 30 ноября <1872 г.> она писала Кузминской: «Теперь Лёвочка очень усердно работает над историей Петра Великого. Собирает материалы, читает, пишет, ужасно трудится и хочет писать роман из той эпохи. Мы ведем более чем когда-либо уединенную и трудовую жизнь» (ОР ГМТ, ф. 25, ед. хр. 3155, л. 1 об.). О том же, что их жизнь «проходит в самых серьезных трудах» она сообщает и 9 января 1874 г. (ОР ГМТ, ф. 25, ед. хр. 3171, л. 1 об.). Задумываясь над вопросом, где бы ей хотелось жить, Софья Андреевна признается, что лучше Ясной Поляны детям нигде не будет, а значит, и ей самой (Письмо от 14 января 1873 г. // ОР ГМТ, ф. 25, ед. хр. 3158, л. 3). При этом в ее письмах возникают интересные метафорические образы:

– 2 февраля 1872 г.: «Ну, прощай, милая Таня, не ленись мне писать. Я только тогда и чувствую, что есть люди, которым я что-нибудь значу, когда я получаю письма. А то так одиноко, монастырски, живешь здесь, в Ясной Поляне» (ОР ГМТ, ф. 25, ед. хр. 3147, л. 3);

– 14 января 1873 г.: «…живу, как в заколдованном за́мке» (ОР ГМТ, ф. 25, ед. хр. 3158, л. 1 об.);

– 28 сентября <1877 г.>: «Я для развлечения начала вышивать большой ковер, 4 аршина длины и 3½ ширины в персидском вкусе. Работы этой года на три будет. Так-то в старину затворницы в теремах делали большие работы, чтоб занять себя в одиночестве» (ОР ГМТ, ф. 25, ед. хр. 3222, л. 2 об. – 3);

– 21 октября 1879 г.: «Живу я опять в тюремном заключеньи; т. е. не выхожу из дому никуда и уж не выйду верно до родов, и потому мне право и писать тебе не о чем» (ОР ГМТ, ф. 25, ед. хр. 3245, л. 1).

Образы замкнутого пространства, неволи – монастыря, тюрьмы, заколдованного замка – возникают не случайно. Как неслучайны обмолвки подобного рода: «Целую тебя, Сашу и детей. Вы все мне так милы, и я о вас часто думаю. У нас уж все слишком умно, и мне не по силам иногда» (Письмо от 26 ноября <1874 г.> // ОР ГМТ, ф. 25, ед. хр. 3179, л. 2 об.). Она стыдилась этого чувства, боролась с ним, снова поддавалась и преодолевала. Она признавалась сестре в письме от 14 ноября 1872 г.: «…и очень у нас скучно и уединенно. Только делами спасаешься от той малодушной скуки, которая невольно иногда находит, и хотелось бы иногда и общества, и какого-нибудь *неразумного* удовольствия. Если б я говорила, что этого никогда не хочется, я была бы не искренна» (ОР ГМТ, ф. 25, ед. хр. 3156, л. 2 об.).

Софья Андреевна подчинялась авторитету более старшего, более опытного и, главное, талантливого Толстого, который тем не менее очень точно, если не сказать пророчески, заметил про жену в дневнике 1863 г.: «Изредка и нынче всё страх, что она молода и многого не понимает и не любит во мне, и что много в себе она задушает для меня, и все эти жертвы инстинктивно заносит мне на счет» (1952, с. 51).

Для объективного осмысления той семейной трагедии, которой завершится совместная жизнь супругов, нужно учитывать не только личные свидетельства Толстого, но и его жены, поэтому письма ее к любимой сестре особенно ценны – и сообщаемыми сведениями о жизни в Ясной Поляне, и откровенностью признаний, позволяющих заглянуть в ее внутренний мир.

Письма Т. А. Кузминской к С. А. Толстой

Совершенно иной и весьма «своеобразный психологический склад» (Брейтбург, 1973, с. 11) имела младшая сестра Софьи Андреевны. Татьяна Андреевна Кузминская обладала натурой жизнерадостной, неунывающей, страстной, общительной, «затейливой» (Толстой, 1987, с. 74). В письмах Софьи Андреевны эмоциональные суждения о сестре в совокупности с глубоким знанием ее характера помогают воссоздать колоритный человеческий тип:

– около 15 сентября <1871 г.>: «Моя жизнь без тебя, без твоего присутствия хотя изредка, это все равно, что если б работнику никогда не было праздника. Я теперь совершенно работник без праздника. Нынче, как завтра, завтра, как еще и еще бесконечные дни без того луча радости и веселья, который ты так умела вносить собой в наш Ясно-Полянский мир» (ОР ГМТ, ф. 25, ед. хр. 3136, л. 1);

– 28 января 1876 г.: «…никто на меня не имеет такого нравственного влияния, как ты. Точно ты мне толчок дашь, и я от чего-то проснусь. Верно, оттого, что ты так жива, энергична, что в тебе и жизни и чувства много, и это на меня действует благотворно» (ОР ГМТ, ф. 25, ед. хр. 3197, л. 2 об.).

В письме от 3 сентября 1877 г., говоря о том, что сестра не изменилась – «Как жили прежде маленькие, ядовитые, блестящие чертики в твоих глазах, так и теперь живут» (ОР ГМТ, ф. 25, ед. хр. 3220, л. 2), – она переписывает посвященные Татьяне Андреевне стихи А. А. Фета «Сияла ночь. Луной был полон сад…» в доказательство того, какие сильные чувства та по-прежнему вызывает в людях.

В Кузминской, действительно, было много жизненной энергии, чувства, это подтверждают и ее письма, выдержанные совершенно в ином стиле, нежели послания ее сестры. Татьяна Андреевна создавала маленькие жанровые сценки, с самостоятельными и иногда довольно занимательными сюжетами, представляющие собой своеобразные зарисовки с натуры, мастерски схватывала характеры людей. Ее описания были настолько точны в изображении обстановки действия, что создавали иллюзию присутствия в событии. Софья Андреевна с восхищением писала сестре: «Твои письма – это точно книги интересные, Левочка даже два раза перечитал, так ему всегда нравятся твои письма» (Письмо от 25 октября 1871 г. // ОР ГМТ, ф. 25, ед. хр. 3140, л. 1). Татьяна Андреевна обычно рассказывала множество занимательных историй: она умела «художественно» видеть окружающую жизнь, правда, оставаясь «на почве были» (Розанова, 1986, с. 12), потому что описывала всегда то, чему была свидетельницей. В большой увлекательный рассказ воплотилась история ее представления ко двору. С юмором описывая свое волнение и одновременно досаду на то, что она взрослая дама, мать, а ведет себя как институтка, Кузминская писала: «Я старалась думать в эту минуту, как я дома, трое детей, все в доме слушаются, уважают, вздор, все такая же женщина <имеется в виду великая княгиня. – *Н. Г.*>, как и все, но страх все усиливался» (Письмо от 19 апреля <1875 г.> // ОР ГМТ, ф. 47, ед. хр. 6979, л. 4 об.). В другом письме появляется почти детективная история с расследованием и полицией: вернувшаяся домой после оперы Татьяна Андреевна вдруг обнаружила пропажу любимых серег, которые на следующей день были «наивно подброшены» девушкой (Письмо от 14 января <1875 г.> // ОР ГМТ, ф. 47, ед. хр. 6975, л. 4 об.). Не может не вызвать ответных переживаний и история путешествия Татьяны Андреевны с детьми в Тифлис, когда они едва не опоздали на теплоход: «В полной уверенности, что пароход идет в 4 часа, я еду в агентство в 12 за билетами, и вдруг говорят, что идет в 2. Я спешу и в спехе теряют каблук. В волнении заезжаю в магазин, примеряю на силу уже и когда приехала в гостиницу, никого нет. Катрин с детьми ушла гулять, и я ей говорила не спешить возвращаться. Я в сад и бегу как сумасшедшая…» (Письмо от 21 сентября 1874 г. // ОР ГМТ, ф. 47, ед. хр. 6970, л. 2).

Толстой восхищался несомненной литературной одаренностью свояченицы: «Ты без запятых, но пишешь так, что я бы желал, чтобы все так писали. От каждого твоего письма так и запахнет Кавказом» (1953a, с. 263). В одном из писем он попросил Татьяну Андреевну описать тифлисскую жизнь, чтобы яснее представлять себе ее отношения с близким окружением. Она тут же откликнулась на просьбу: «Левочка, ты просишь описать мои светские отношения и так еще похвалил меня, сравнивав с собой! Я знаю, что это насмешка, но все-таки насмешка приятная» (ОР ГМТ, ф. 47, ед. хр. 6979, л. 2 об.), – и 19 апреля 1875 года так «отпечатала» людей, что Толстой остался очень доволен: «Это очень кажется просто, а очень мало людей умеют это сделать» (1953b, с. 181).

Многие ее рассказы окрашены юмором, ироническими комментариями, раскрывающими натуру живую, эмоционально восприимчивую. Обращаясь к сестре с просьбой помочь найти ей гувернантку, Татьяна Андреевна пишет 18 февраля <1876 г.>: «Ради Бога, не ворчи, Соня, и не ропщи, что тебе опять приходится хлопотать для меня, но что мне делать, что они у меня все замуж выходят. Если бы я могла приобрести с виду мартышку, я была бы счастлива» (ОР ГМТ, ф. 47, ед. хр. 7012, л. 2 об.). «Неправильная» или, по словам И. Л. Толстого, «самобытная» (1987, с. 74), Татьяна Андреевна не стеснялась быть собой, не боялась откровенно выражать свои чувства и иногда в довольно резкой форме. Соединение необычной внешности (она не была красавицей «в обыкновенном смысле этого слова») и внутренней нестандартности и составляло феномен этой «пленительной женщины» (Толстой, 1987, с. 71). Она могла вызвать ужас священника откровенным признанием в том, что старалась «выкинуть» (Письмо от 22 августа <1875 г.> // ОР ГМТ, ф. 47, ед. хр. 6974, л. 3); рассердить сестру легкомысленным поведением: «Милый друг Таня, твое известие о болезни твоей меня очень огорчило, но и досадно стало на тебя за все твои прошедшие неосторожности и сумасбродства. До тех пор прыгала

с комодов, скакала беременная верхом и всячески кувыркалась, пока перекувырнула свою матку» (Письмо от 9 декабря 1876 г. // ОР ГМТ, ф. 25, ед. хр. 3205, л. 1). Характер Татьяны Андреевны раскрывается и в ее рассказе, как она дразнит приходящего к ним по вечерам англичанина, проповедующего религию: «…ну мне просто надоедает делать постоянно серьезное лицо и слушать проповеди, как я должна Бога любить, читать его священные книжечки» (Письмо от 22 августа <1875 г.> // ОР ГМТ, ф. 47, ед. хр. 6974, л. 3 об.).

В письмах к сестре Татьяна Андреевна, конечно, тоже делится своими чувствами, переживаниями, но если Софья Андреевна часто испытывает тревогу, беспокойство, тоску, которые она словно выплакивает родному человеку, подробно выговаривается о наболевшем и тут же мучительно переживает о том, что ее письма – это «только жалобы глупые, и скука, и ничего интересного» (Письмо от 15 сентября <1871 г.> // ОР ГМТ, ф. 25, ед. хр. 3136, л. 3), то эмоции Татьяны Андреевны имеют более динамичный характер. Кузминская может гневаться, сердиться, досадовать и даже тосковать, но она не сосредотачивается на отрицательном впечатлении, не запускает себя, не дает себе опуститься, расклеиться (Письмо от 20 <августа 1871 г.> // ОР ГМТ, ф. 47, ед. хр. 6951, л. 2), а тут же старается отвлечься, переключиться на описание какого-нибудь происшествия, случая, события. Сравним начало двух писем, в которых сестры извиняются друг перед другом, что давно не писали: «Милая моя Таня, давно тебе не писала, и меня это мучает» (Письмо от 22 декабря 1871 г. // ОР ГМТ, ф. 25, ед. хр. 3143, л. 1); «Милые Левочка и Соня, я получила ваши письма и от моего друга Танюшки <старшая дочь Толстых. – *Н. Г.*> и до сих пор никому не писала, так стыдно, так стыдно!» (Письмо от 19 апреля <1875 г.> // ОР ГМТ, ф. 47, ед. хр. 6979, л. 1).

Особенности эпистолярного стиля Кузминской, ориентированного на описание событий, фактов, объяснимы, с одной стороны, тем, что ее быт был менее замкнут, чем у сестры, по словам которой Татьяна Андреевна ведет «самую воздушную жизнь» (Письмо от 28 ноября <1871 г.> // ОР ГМТ, ф. 25, ед. хр. 3142, л. 3): она выезжает в свет, общается с людьми и не только из своего семейного окружения. Если Софья Андреевна часто извинялась за то, что пишет об одном и том же, то Татьяна Андреевна, наоборот, спешила сообщить так много различных новостей, что ей, казалось, было тесно в рамках одного письма, и нередко, заканчивая разговор и прощаясь с сестрой, она продолжала писать еще добрую половину письма, создавая те «оригинальные рассказы», которыми с жадностью зачитывалось все семейство Толстых (Письмо от 13 ноября 1871 г. // ОР ГМТ, ф. 25, ед. хр. 3141, л. 2). С другой стороны, эпистолярный стиль Кузминской раскрывал ее энергическую натуру (там же, л. 3 об.), умеющую жить интересно, ярко, увлекательно.

Даже приписки ее мужа, Александра Михайловича Кузминского, порой рождали потрясающие театральные сценки, создавая юмористический диалог между супругами. Интересно с этой точки зрения письмо от 9 октября <1871 г.>, в котором Татьяна Андреевна рассказывает и о проблемах с людьми, из-за чего ей приходится самой все делать по дому (убирать комнаты, накрывать стол), и о судебном процессе, на котором Кузминский обвинил 7 человек по делу убийства князя Эристова, по случаю чего дочь убитого прислала ей корзину цветов, и о многом другом. И вот в конце письма появляется приписка Александра Михайловича, перебиваемая вставными репликами жены (они выделены подчеркнутым шрифтом): «Вообще все, что пишет моя супруга, очень преувеличено: так, описывая свои страданья по тому случаю, что лакей отошел, она не пишет о помощи, которую оказывает ей рассыльный, только колпаки от ламп бьет; затем, хвастаясь тем, что ей прислали букет, она не только преувеличивает, но даже вполне в… Ей Богу врет! честное слово, мне, это ему хочется, чтобы ему присылали, но я этого не допускаю. Букет несомненно относился ко мне как бывшему, так сказать, на сцене и заслужившему его, а про нее эта княгиня никогда и не слышала и узнала, что я женат, только когда я велел сказать ей, что барыни дома нет; она все-таки вошла ко мне, и потому суди сама, кто из нас прав. И потому я ей не отдала визита, а букет все-таки велела передать мне (батонне). Ну, прощай, милая Соня, все-таки верь мне» (ОР ГМТ, ф. 47, ед. хр. 6968, л. 4 об.).

Заключение

Таким образом, мы пришли к заключению о том, что необходимо изучение архивных материалов, связанных с ближайшим семейным окружением Толстого. Прежде всего это касается эпистолярного наследия Софьи Андреевны, публикация которого – дело первейшей необходимости. При этом, безусловно, научным может быть признано только комплексное изучение эпистолярия, ведь переписка – это беседа, диалог, и печатать ее «по принципу односторонности столь же, по существу, странно, как пересказывать разговор двух людей словами лишь одного из них» (Литературное наследство, 1949, с. 76).

Анализ писем избранного периода – 1870-х гг. – показал, что семейно-бытовой контекст посланий определялся особенностями уклада жизни корреспондентов (жены и матери в больших семьях), их социальным положением (дворянские круги). Тематическая концентрированность писем Софьи Андреевны (домашние хлопоты, дети, литературные занятия Толстого, посещения близких и родных) объясняется уединенностью деревенского быта, построенного на закономерной связи личного и природного циклов (свой круг событий в различные сезоны); принятием того, наполненного серьезным трудом, образа жизни, который был необходим Толстому и который заключался в выполнении важных задач (воспитание детей, литературные труды). Наоборот, письма Татьяны Андреевны, помимо семейно-бытового контекста, содержали разнообразные сведения и о светских выездах, и о знакомстве Кузминских с широким кругом людей, и о служебной деятельности Александра Михайловича, и об особенностях кавказского быта.

При этом письма отбором событий, стилем их изложения отразили и своеобразие личности каждого из пишущих. Письмо-исповедь, письмо-дневник – характерная особенность эпистолярия Софьи Андреевны, которая чувствовала настоятельную необходимость делиться с сестрой своими чувствами и переживаниями. Письма же Татьяны Андреевны, как правило, представляли собой цепь занимательных сюжетов, приправленных часто юмористическими комментариями корреспондента.

Считаем, что переписка сестер, с одной стороны, станет важным комментарием к уже опубликованным книгам воспоминаний «Моя жизнь» С. А. Толстой и «Моя жизнь дома и в Ясной Поляне» Т. А. Кузминской, создававшимся спустя многие годы после описываемых событий; с другой – введет важные дополнительные сведения к письмам, дневникам писателя. Речь идет не об обнаружении каких-то новых фактов из жизни Толстого, а о возможности построения опосредованного диалога между супругами, возможно, более откровенного, чем непосредственный их диалог в письмах друг к другу. Чтобы полновесно звучали оба голоса, нужно к опубликованным письмам Толстого присоединить и письма Софьи Андреевны к разным лицам, чтобы понять ее внутренний мир.

Многолетняя переписка Софьи Андреевны с младшей сестрой является, таким образом, уникальным эпистолярным документом, который представляет собой своего рода летопись семейной хроники Толстых и одновременно нечто вроде дневника Софьи Андреевны.

Перспектива результатов изучения этого эпистолярного источника представляется, во-первых, в том, чтобы осмыслить полный корпус переписки С. А. Толстой и Т. А. Кузминской, проследить эволюцию их эпистолярного стиля; а во-вторых, вскрыть в семейно-бытовых описаниях Софьи Андреевны глубокий подтекст, позволяющий увидеть ее восприятие яснополянского образа жизни и дающий возможность выстроить опосредованный диалог между супругами.

Источники | References

1. Андреева О. В. Письма Г. И. Поршнева к дочери – уникальный эпистолярный источник // Румянцевские чтения: материалы научно-практической конференции (23-25 апреля 2001 г.). М.: Пашков дом, 2001.
2. Бирюков П. И. Биография Л. Н. Толстого: в 2 кн. М.: Алгоритм, 2000. Кн. 1.
3. Брейтбург С. М. Мемуары «Наташи Ростовой» // Кузминская Т. А. Моя жизнь дома и в Ясной Поляне. Тула: Приокское книжное издательство, 1973.
4. Гусев Н. Н. Л. Н. Толстой. Материалы к биографии с 1870 по 1881 год. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963.
5. Доманова С. А. Переписка А. Ф. Кони как исторический источник: автореф. дисс. … к. ист. н. М., 1999.
6. Елагина Е. Г. К теории эпистолярия // Поэтика и стилистика: сборник статей / под ред. И. В. Чуприны и В. Е. Гольдина. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1980.
7. Кобак И. В. Письма как исторический источник: задачи и приемы изучения // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Серия 2. 2012. Вып. 2.
8. Кучина Т. Г. К вопросу об изучении эволюции эпистолярных источников второй половины XIX – начала XX в. // Проблемы источниковедения истории СССР и специальных исторических дисциплин: статьи и материалы / отв. ред. И. Д. Ковальченко. М.: Наука, 1984.
9. Литературное наследство: сборник. М.: АН СССР, 1949. Т. 51-52. Н. А. Некрасов. Ч. II / гл. ред. П. И. Лебедев-Полянский.
10. Розанова С. А. «Счастливая звезда» // Кузминская Т. А. Моя жизнь дома и в Ясной Поляне. М.: Правда, 1986.

Информация об авторах | Author information

RU **Городилова Наталья Ивановна**[1], к. филол. н.
[1] Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук, г. Москва

EN **Natalia Ivanovna Gorodilova**[1], PhD
[1] A. M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Science, Moscow

[1] *natromanova2007@yandex.ru*

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 02.10.2024; опубликовано online (published online): 14.11.2024.

Ключевые слова (keywords): эпистолярное наследие семьи Л. Н. Толстого; переписка С. А. Толстой и Т. А. Кузминской как исторический источник; архивный документ; проблемы атрибуции писем; сюжетно-стилистическое своеобразие стиля как отражение личности корреспондентов; epistolary legacy of Leo Tolstoy's family; correspondence between S. A. Tolstaya and T. A. Kuzminskaya as a historical source; archival document; problems of letter attribution; plot-stylistic peculiarity of style as a reflection of correspondents' personalities.